

Юлий ХАЛФИН

Неэвклидово пространство Достоевского

Строки Достоевского всегда поражают странностью, неожиданным поворотом мысли, каким-то упорным нежеланием признать то, что признано всеми, говорить так, как принято говорить.

Зачем ему, пишущему про безнадежное одиночество человека, про слезки невинных младенцев, про нищету, которую уже нельзя вытерпеть, не бунтовать против социального устройства (как это делают левые) или взывать к милости (как это делают правые)? Зачем он ни с того ни с сего начинает вдруг бунтовать против элементарных законов математики? “Дважды четыре два, — говорит загнанный в угол его герой, — ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре смотрит фертом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюётся”.

Зачем другой его герой, который, как и автор, не может вынести зрелища людского горя, яростно обличает эвклидову геометрию, по закону которой параллельные ни за что не могут здесь, на земле, пересечься? Почему ему мешает дышать эвклидова геометрия и таблица умножения?

Вчитаемся в его удивительную увертюру к «Дневнику писателя». В этом «Дневнике» он день за днём будет писать о неправде в судах, о крестьянском вопросе, о добровольцах, сражающихся в Болгарии, о Толстом и Добролюбе и пр. и пр. Очевидно, в предисловии он излагает свои постулаты. Какова ведущая его идея? Каково его писательское кредо?

На пространстве полутора страниц как-то сгущённо, концентрированно (что вполне обычно для писателя) говорится о Хлестакове, который врал с оглядкой (а вдруг выгонят), о нынешних Хлестаковых, которые врут спокойно... И вообще все спокойны и счастливы. Все изъедены самолюбием и каждый убеждён, что всё принадлежит ему одному. О каком-то безмозгом недоросле, который застрелился, потому что не имел денег, чтоб нанять любовницу. Авторская буффонада, этакий саркастический балаганчик неожиданно сменяется вдохновенным пассажем о том, как гётевский

Это фрагмент из большой, пока не изданной книги Ю.Халфина о Достоевском «Полифоническое слово и глаголы вечной жизни». Она стала плодом многолетних исследований художественного мира писателя. Печатаем в сокращении вступительную часть книги.

Вертер, умирая, прощается со звёздами Большой Медведицы... О том, что герой или, вернее, его автор знал, что вся бесконечная красота таинственных Божьих чудес не выше идеала красоты, который заключён в его душе, что душа его вбирает в себя весь бесконечный мир, равна ему и потому и роднит его с бесконечностью бытия.

У нас, язвит он, разбивают лик человеческий “без всяких этих немецких фокусов, а с Медведицами, не только Большой, да и с Малой никто не вздумает попрощаться”. “Неужели это безмыслие в русской природе?” Неужели никто не поставит Гамлетовского вопроса: “Но страх, что будет там...”

Вдруг с пронзительной ясностью открывается нам авторское кредо, заявлен тот постулат, на котором зиждется не только «Дневник писателя», но и всё остальное его творчество. Оказывается, что главное — не всеобщий эгоизм и равнодушие к ближним, не бедность и не то, что Русь страшна в судах чёрной неправдой. Страшно не то, что безмозгий юнец решил застрелиться, — страшно то, что душа его неспособна вместить в себя ни бесконечной красоты звёздных миров, ни гамлетовской скорби, ни молитвы к Творцу.

Жизнь в пределах эвклидова пространства, жизнь, где всё просто — как дважды два. “Это жизнь, в которой отсутствует важнейшее её измерение; это жизнь в плоскости, без глубины, жизнь в двух измерениях пространства и времени; это жизнь, довольствующаяся видимым, довольствующаяся нашим ближним, но ближним как явлением в физическом плане, ближним, в котором мы не обнаруживаем всей безмерности и вечности его судьбы”.

Последние слова принадлежат митрополиту Антонию Сурожскому. Поражает не только общность его мыслей с Достоевским, но даже и близость терминологии. Читая предисловие к «Дневнику», понимаешь, что это не Гёте, а Достоевский так восторженно переживает свою сопричастность к бесконечности бытия.

Разумеется, не Эвклид, не таблица умножения повинны перед нами. Достоевский утверждал в своём творчестве взгляд на личность, не ограниченную земным пространством и временем. Как и митрополит Антоний, он утверждал, что “нель-